Андрей ЗВЯГИНЦЕВ, режиссер фильма «Возвращение»:

Зритель ждет снов

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Кадр из фильма «Возвращение»

— Отчего вдруг в российском кино возникла тема «отец и сын» — снято сразу три фильма: кроме «Возвращения», еще «Отец и сын» Сокурова и «Коктебель». Есть ли особый знак в том, что востребована не тема «родители — дети», а именно «отец и сыновья»? (Андрей Савченко, Москва)

— Расскажу байку. У нас был кастинг, и пришел актер пробоваться на роль отца. Я стал рассказывать ему сюжет. У него округлились глаза: «Меня уже утвердили на роль, где много общего, только в другом фильме». Речь шла о «Коктебеле». Так я узнал, что тема отцов и сыновей волнует не только нас. На самом деле, думаю, это стечение обстоятельств. Понятно, что если взять на себя роль всезнайки, то можно заявить: «Конечно же существуют космические энергии, эта идея витала в воздухе и т.д.» Но лучше об этом не говорить.

— Меня зовут Людмила. Андрей, а вы сами знаете, что было в том таинственном чемоданчике, который ваш герой-отец откопал на острове?

— Ой, я уже устал отвечать на этот вопрос. Хорошо, скажу так: да, я знаю, что было в чемоданчике. Но если вы видели фильм, то поймете мои слова: люди вступают в коммуникацию, но внутри каждого есть что-то сокровенное, что невозможно передать, как бы мы ни хотели. Почему же мы ждем от фильма, что он откроет все тайны?. Как только он откроет тайны, он перестанет быть кино, превратится в дидактику, в плакат, в утверждение.

— Мое имя Ефим, я кинопрокатчик из Воронежа. По-моему, тайна должна оставаться тайной, так как герой умирает, а смерть — это и есть тайна.

— Супер! Добавить нечего.

— Хочется показать ваш фильм жителям Воронежской области. Но на кинорынке мне назвали сумму двести тысяч рублей.

— Тут я ничего не могу сказать. Фильм мне уже не принадлежит. Его судьбу решают продюсер Дмитрий Лесневский и прокатчик Раиса Фомина.

— Здравствуйте, я москвич, меня зовут Григорий Михайлов. А вообще в стране можно будет увидеть вашу картину?

— Вы редкий человек, который беспокоится о том, увидит ли фильм страна. Насколько я знаю, изготовлено двадцать копий. Из них десять пока предназначены Москве. Рекомендую смотреть фильм в Киноцентре на Красной Пресне. Это «не на правах рекламы». Говорю как знающий человек: там раз в месяц делают профилактику звука и всегда хорошо отлажено «долби».

— Я Оксана, третий год живу в Америке. Выйдет ли фильм у нас?

— Да, в США его прокатывает Kino International.

— Гринуэй считает, что любое техногенное искусство, в частности кино, живет не более ста лет, то есть кино стоит на пороге своей смерти. Согласны? (Лена)

— Нет. Про театр две тысячи лет говорят, что он умирает, а он все жив. К тому же кино — не только техногенное искусство, потому что техногенная среда не может породить ничего духовного и никаких образов. А кино — это прежде всего образ. Создавать образы — прерогатива людей.

— Вас уже, наверное, задолбали таким вопросом, но скажите: какие режиссеры на вас повлияли?

— Не то чтобы задолбали, просто ответ у меня очень длинный. Я всегда называю много имен, хотя вроде бы надо иметь компактный список. У меня три категории любимых фильмов и режиссеров. Во-первых, массив, как я его называю, — от Гриффита и до начала 90-х. Основа массива — 60-е годы, когда в кино произошел ренессанс. В первую голову я всегда называю Антониони, Куросаву и Брессона. Я посмотрел все его фильмы на недавней ретроспективе в Музее кино после того, как еще лет десять назад увидел его картину «Приговоренный к смерти бежал», впечатлившую меня даже больше, чем любимый Тарковским «Дневник сельского священника». Во-вторых, я отдельно выделяю фильмы последнего десятилетия: «Магнолия», «Рассекая волны», «Фейерверк», «Пианистка», «Красота по-американски». Наконец, особая категория — советское и российское кино. Это Тарковский, Отар Иоселиани дофранцузского периода, конечно же Герман... Хотя с последним фильмом Германа у меня отношения не сложились. Я смотрел его на видео, потом случайно зацепил на канале «Культура» и увидел, что картинка совершенно другая. Может, проблема еще и в том, что я смотрел фильм вместе с одной барышней, которая его просто на дух не могла воспринимать. Я, кстати, заметил интересную вещь. В свое время я прочитал у Михаила Чехова, что когда он играл Гамлета перед целевыми аудиториями — то залом красноармейцев, то пионеров, то интеллектуалов, — он всякий раз невольно играл по-разному. Например, чувствовал, что перед красноармейцами не может тянуть какую-то паузу. Я долгое время полагал, что это касается только театра. И вдруг понял, что и кино тоже! Я смотрел «Возвращение» в разных залах, и в Новосибирске у меня было ощущение, будто фильм мчится словно экшн. А в другой аудитории казалось, что очень долго висели паузы.

— Меня зовут Евгения. Я читала, что вас засыпают заманчивыми предложениями лучшие продюсеры мира. Это правда?

— Об этом я больше знаю со слов прокатчика Раисы Фоминой. Хотя одно предложение пришло и напрямую — от французского продюсера, который только что закончил фильм с Николь Кидман и разрабатывает сейчас проект в Китае с ней же и Вонгом Кар-ваем. Речь не о конкретном сценарии или идее, а о готовности вложить средства в мой будущий проект. По словам Раисы Фоминой, похожие предложения также сделали Луиджи Де Лаурентис, а кроме него президент компании Lucky Red — прокатчик нашего фильма в Италии и президент компании Ocean Films, которая вложила деньги в «Любовное настроение» все того же Вонга Кар-вая и тоже является нашим прокатчиком, но уже во Франции. «Возвращение» стартует там 15 ноября сразу в шестидесяти кинотеатрах. Это неслыханный масштаб для российского кино.

— Нужно ли, как предлагает Карен Шахназаров, вводить в стране квоты на показ иностранных фильмов?

— Наверняка я ошибаюсь, потому что не знаю, как устроены механизмы влияния Министерства культуры на эту ситуацию. Но для меня очевидно одно, эти цифры я знаю: почти девяносто процентов фильмов, идущих в стране, — американское кино и только пять процентов — российское. В такой ситуации люди, которые втискиваются в эти пять процентов, просто вынуждены делать не то, что хотят, а то, что будет востребовано. Но на вопрос: «Что же именно востребовано?» — люди отвечают себе ошибочно. Однажды я прочитал интервью со знаменитым французским продюсером. Он недвусмысленно сказал: наши — продюсеров и режиссеров — предположения о том, что нужно публике, — это иллюзии. Он применил хороший образ: «Человек ложится спать и видит сны. Он не выбирает снов. Они ему просто снятся. Так же и зритель: он не может сказать, что именно хочет увидеть. Он хочет увидеть то, что приснилось людям, которые делают кино». Жизнь и без того рационализирована — зритель ждет снов.

Подготовил
Юрий ГЛАДИЛЬЩИКОВ

Догарантировались

Максим СОКОЛОВ

СМИ, освещающие деятельность политиков и партий, собирающихся баллотироваться в Думу, демонстрируют виртуозное владение иносказаниями и эвфемизмами — «один политик, некоторая партия, кандидат на букву такую-то etc.». Трудно сказать, чего здесь больше. То ли нежелания подвергнуться карающему действию удивительного закона о дополнительных гарантиях избирательных прав граждан, каковые гарантии заключаются в ограждении граждан от какой бы то ни было информации о кандидате за исключением той, которую он сам пожелает о себе сообщить. То ли желания неукоснительным исполнением закона продемонстрировать всем, к чему это приводит. Расчет верный — т. Вешняков А.А. уже вплотную приблизился к неудобному положению, в которое попали члены психиатрической комиссии, усмотревшие в поведении пациента Швейка несомненные признаки идиотизма, каковые признаки, по их мнению, выражались в восклицании «Да здравствует государь император Франц-Иосиф Первый!».

Суждения председателя другой комиссии — центральной избирательной — сегодня уже примерно те же самые. Т. Вешняков А.А. заявил, что «закон ругать не надо; он, конечно, не идеален, но надо постараться не допускать крайности в его применении». В устах человека, этот закон проталкивавшего, высказывание довольно сильное. Единственный правовой смысл такого пожелания — сделать статьи данного закона мертвыми, т.е. никогда не применяемыми, что в юридической практике служит прелюдией к отмене самого закона.

Например, в Англии начала XIX века закон предписывал карать виселицей кражу на сумму более 5 шиллингов. По мере смягчения нравов, чтобы не допускать крайности в применении закона, суды стали оправдывать заведомых воришек, пойманных с поличным, и закон умер. При Горбачеве мертвыми вплоть до окончательной отмены сделались политические ст. 70 и 190-1 УК РСФСР, а также статьи, каравшие смертью квалифицированные хозяйственные преступления. Тот случай, когда суровость законодателя исправляется демонстративным саботажем правоприменителя. Но что Горбачев, что коронные судьи времен короля Георга вряд ли могли смягчить кару иным образом. Неразумно жестокие нормы были получены ими в наследство, и все, что можно было с этими нормами сделать, — сперва их усыпить, покуда общество и законодатель не дозреют до мысли, что и без лишней жестокости жить можно. То, что с нормами времен короля Альфреда (и даже времен Хрущева) сразу не разберешься, могло служить извинением этой практике, но вообще-то практика не очень хорошая. Во-первых, мертвая статья порождает правовой вакуум и происходит фактический отказ от правового регулирования, хотя бы даже и некоторые коллизии в регулировании по-прежнему нуждались. Во-вторых, доколе мертвые статьи остаются в своде законов, они могут и воскресать. Виктор Гюго сравнивал английское правосудие с лапой тигра, где когти скрыты в мягких подушечках, но в любой момент могут быть выпущены наружу.

В этом смысле все призывы дать разумное и мягкое толкование закону о гарантиях избирательных прав граждан продиктованы скорее желанием не обидеть творцов закона, нежели трезвым взглядом на вещи. Закон исполнен вполне однозначных норм, предупреждения, вынесенные тем, кто называл А.В. Коржакова генералом, Е.Г. Драпеко — актрисой, а кандидата А.С. Юшенкова — сыном убитого С.Н. Юшенкова, вынесены в полном соответствии с законом, и разумное толкование может сводиться лишь к рекомендации подвергнуть данный правовой акт благоумолчанию — как будто его нет в природе.

Много сказано о том, сколь нехорошо вышло с итогами приватизации, когда крайняя правовая размытость всего процесса привела к тому, что практически любой титул собственности может быть на законных основаниях успешно оспорен. Но тут хотя бы можно извиняться тем, что смена общественного строя и тотальный передел собственности редко укладываются в четкие рамки закона. Но с итогами избирательных кампаний и с титулом народного избранника до сих пор все обстояло более или менее прилично — итоги итогами, титул титулом, и никто ничего особенно не оспоривал. Теперь — и на ровном месте — легитимность избирательного процесса доведена до уровня итогов приватизации, почитаемого за совершенно неудовлетворительный, и доведена не историческими стихиями неодолимой силы, а исключительно административной дуростью. Хотя и тоже неодолимой силы. Чтобы не загонять выборы в окончательный правовой вакуум, эту силу надо все-таки одолеть, для чего следует в установленном законом порядке признать крайнюю дурость крайней дуростью, подлежащей немедленной отмене.

Мнение обозревателя может не совпадать с точкой зрения редакции